

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

Виталий Боровой

Окончание "холодной войны" поставило руководство КНР перед рядом новых возможностей и угроз во внешней политике. Новая ситуация в мире в сочетании с тем фактом, что возможности Китая, благодаря внутренним реформам, в настоящее время велики как никогда за последние полтора века, привели к постепенному формированию в 90-е гг. XX в. новой внешней политики. Эта политика направлена на создание внешних условий для дальнейшего усиления китайской национальной мощи и стимулирование предпосылок для эффективного использования этой растущей мощи на международной арене; она уже не скована марксистской идеологией и не зависит от взаимоотношений сверхдержав, как это, в определенной степени, было во времена "холодной войны".

Целью данной статьи является анализ роли и места граничащих с КНР стран и регионов во внешнеполитической стратегии Пекина. Подобный анализ требует, в первую очередь, изучения ключевых особенностей внешней политики Китая на современном этапе. Как представляется, стратегия Китая на мировой арене определяется тремя главными факторами: историческим опытом, спецификой восприятия тенденций в мировом развитии и угроз безопасности страны на современном этапе, а также стратегическими целями государства на мировой арене. Все эти факторы будут рассмотрены в первой части данной статьи, тогда как во второй будут затронуты основные методы и приоритеты собственно региональной политики Китайской Народной Республики.

Основной тезис данной статьи можно сформулировать следующим образом: стратегической задачей КНР, ведущей к достижению остальных целей, является всемерное укрепление связей с пограничными странами и регионами Восточной, Южной и Центральной Азии и формирование такого регионального сообщества, где Китай бы занимал лидирующие позиции. Развитие отношений КНР с ведущими мировыми державами будет в значительной степени определяться значимостью этих связей для стабилизации китайской сферы влияния в Азии.

Региональные методы внешней политики КНР базируются на развитии экономического сотрудничества с соседними странами, что в конечном итоге, по мнению Пекина, должно привести к формированию устойчивых общих интересов стран региона и, соответственно, к созданию надежных механизмов региональной безопасности. Приоритетным направлением региональной политики для китайского руководства является утверждение своего влияния в Восточной Азии. Вместе с тем, несмотря на очевидную приоритетность Восточной Азии для Пекина (хотя бы в силу важности тайваньского вопроса), в самом Китае раздаются голоса, призывающие пока сосредоточиться на других стратегических направлениях.

Особенности внешней политики КНР на современном этапе

А. Исторический опыт и особенности мировоззрения

Исторический опыт государства прежде всего отражается в особенностях мировоззрения элиты данной страны. По мнению Дэни Роя, основными особенностями китайского мировоззрения в области внешней политики являются:

1) мышление в духе *realpolitik*, где основное значение придается национальным интересам, а центральную роль играет баланс сил;

2) убежденность в законном характере претензий на уникальную и значительную роль Китая на мировой арене, что определяется как особенностями многотысячелетней истории и культуры, так и размерами страны;

3) уверенность в существовании прямой связи между недружественной политикой иностранных держав и внутренней нестабильностью, которые эти державы всячески поощряют и стремятся использовать в своих целях¹.

Как можно предположить, перечисленные выше особенности китайского внешнеполитического менталитета являются прямым следствием негативного исторического опыта, прежде всего так называемого "века унижения" (40-е гг. XIX в.—1949 г.). Вряд ли можно сомневаться в том, что одним из главных мотивов внешней политики Китая в настоящее время и в обозримом будущем будет стремление избежать повторения национального кризиса второй половины XIX—начала XX в., гарантией чего является прежде всего ускоренное развитие Китая во всех областях, т.е. всестороннее укрепление национальной мощи. По мере же роста национальной мощи мышление в духе *realpolitik* и стремление исключить любые возможности со стороны иностранных держав внутри страны, по всей видимости, неизбежно будут подталкивать Китай к созданию зоны влияния на периферии страны. Так, например, уже в 90-е гг. XX в. Центральная Азия была обозначена Пекином как сфера внешних стратегических рубежей КНР².

Что касается влияния более ранней истории Китая на мировоззрение китайских политиков, то крупный специалист по внешней политике Китая Майкл Хант, указывая на то, что исторически существовал целый ряд различных, а иногда и диаметрально противоположных подходов к отношениям Китая с внешним миром, тем не менее считает, что и в современной внешней политике Китая доминирует идея защиты экономического и культурного ядра китайского государства с помощью буферных периферийных зон и зависимых стран³. Хант утверждает, что "даже когда растущая мощь позволит Пекину отказаться от своей осторожной внешней политики и стремления до предела минимизировать возможные риски, существует гораздо большая вероятность того, что действия КНР будут ограничены стратегически важными прилегаю-

Боровой Виталий Ростиславович — преподаватель кафедры восточных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета

щими зонами, чем то, что акцент сместится на какие-либо удаленные точки, лежащие вне традиционного горизонта Китая" ⁴.

Окончательно оставив в прошлом идеологическое наследие эпохи Мао, в том числе и в области внешней политики, Пекин, по мере роста своих возможностей, постепенно будет возвращаться к некоторым традиционным схемам отношений Поднебесной с внешним миром. До "опиумных" войн Китай являлся относительно закрытой и самодостаточной страной, чьи внешние интересы были весьма ограничены и сводились в основном к сохранению формальной вассальной зависимости некоторых соседних стран и разрешению конфликтов с наиболее агрессивными соседями, которые непосредственно угрожали территории империи. При этом границ в европейском понимании этого слова не существовало, их заменяли система буферных территорий (цзими) и нерегулярное патрулирование в пограничной зоне. В силу этого обстоятельства граница между цивилизованным ядром мира, т. е. собственно Китаем, и варварской периферией была довольно размыта. Если соседние государства проявляли покорность и соглашались выполнить определенные ритуалы, символизировавшие их вассальную зависимость, император милостиво разрешал им приобщиться к экономическим и культурным богатствам страны. В этом смысле можно согласиться с мнением Люсьена Пая, высказавшего мысль о том, что Китай — это "цивилизация, притворяющаяся государством" ⁵.

Не стоит забывать и то, что в среде китайской элиты существует достаточно устойчивое понятие "потерянные территории", под которыми подразумеваются земли, ранее находившиеся в зоне влияния или даже прямого контроля Китая и утраченные в результате агрессивных действий европейских держав в XIX—первой половине XX в. Соответствующие заявления делали Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Несмотря на то, что в 90-е гг. XX в. китайское руководство избегало резких заявлений по этому поводу, настораживает тот факт, что хотя после распада СССР переговорный процесс по пограничным проблемам между Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и КНР привел к подписанию ряда соглашений, тем не менее, по мнению российских специалистов, соглашения Китая с Киргизией и Таджикистаном "являются, по существу, всего лишь документами, подтверждающими русско-китайскую договоренность 1894 г. о сохранении статус-кво в районе Памира, ни на йоту не продвигая вопрос о прохождении границы к урегулированию" ⁶. До настоящего времени окончательно не урегулированы пограничные вопросы между КНР и рядом других соседних стран. Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время пограничные проблемы отошли в тень и китайское руководство предпочло сосредоточиться на конструктивных аспектах отношений с соседними странами, все еще не изжитые представления об "утраченных территориях" могут являться определенной психологической и моральной опорой (по крайней мере, в глазах самих китайцев), стимулирующей претензии Китая на известную сферу влияния.

Обобщая вышесказанное, можно заметить, что существенной особенностью китайского исторического опыта является то, что, как относительно недавняя история страны ("век унижения") и связанный с этим реализм в восприятии международных отношений, так и классические подходы правителей Китая в сфере безо-

пасности, подталкивают руководство КНР к созданию сфер влияния на периферии страны. До "опиумных" войн внешний пояс влияния и контроля рассматривался как защита от варваров, которые могли нанести значительный вред и даже уничтожить правящую династию, но не были способны подорвать основы китайской политической культуры и государственности. Пришествие европейцев показало, что под вопрос может быть поставлено даже само существование китайского государства и его культурно-политических основ (например, конфуцианства). Учитывая это, можно предположить, что отстаивание той сферы влияния и контроля, которую Пекин считает необходимой для своей безопасности, может в дальнейшем принять более агрессивные формы по сравнению с теми временами, когда у Китая почти не было соперников, оспаривающих его право на доминирование в регионе.

Б. Оценка современных международных отношений и основные угрозы безопасности КНР: взгляд из Китая

Что касается анализа современной ситуации, то для китайских специалистов главным является формирование новой системы международных отношений, в процессе чего крупные державы подчеркивают идею сотрудничества (и такое сотрудничество является определяющей тенденцией), однако между ними существует ряд противоречий и продолжается задулисная борьба ⁷. Китайский специалист по международным отношениям Линь Лиминь выделяет следующие основные особенности, которые характеризуют ситуацию в мире после войны в Ираке. Во-первых, это рост противоречий между США и ЕС, во-вторых, активизация политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и перемещение сюда основных стратегических интересов США, в-третьих, постоянный рост значимости АТР в мировой экономике и политике, в-четвертых, все более очевидная важность КНР в мировых процессах ⁸. По мнению Линь Лиминя, в обозримом будущем система международных отношений придет в состояние относительной стабильности. Несмотря на то что сохранится структура, где сосуществуют одна сверхдержава и целый ряд сильных держав, США, как предполагается, слишком распылят свои ресурсы и приблизятся к краю стратегического истощения, что позволит каждой из региональных держав, добываясь локального равновесия сил с Америкой, успешно отстаивать свои специфические интересы на региональном уровне. В конечном итоге локальное сдерживание США каждой из держав приведет к возникновению глобального стратегического равновесия ⁹.

В начале XXI в. основными угрозами безопасности КНР являются тайваньский вопрос, американо-китайские противоречия и нетрадиционные угрозы безопасности, которые, однако, по-прежнему рассматриваются как вторичные по отношению к традиционным угрозам. Для противодействия этим угрозам известный китайский ученый Янь Сюетун считает необходимым, во-первых, укреплять боеспособность Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Однако, поскольку достижение паритета с США в этом отношении в ближайшее время невозможно, необходимо выработать такую политику сдерживания, при которой НОАК обладала бы локальными преимуществами перед США и их союзниками (главным образом, в районе Тайваня), что позволит предотвратить провозглашение независимости острова и вмешательство США в возможные конфликты.

Вторым компонентом в обеспечении безопасности КНР, по мнению Янь Сюетуня, должно стать развитие регионального сотрудничества в области безопасности, причем, поскольку страны региона по-настоящему будут опасны для Китая лишь в том случае, если их поддержат США, обеспечение региональной безопасности должно включать и достижение договоренностей между Пекином и Вашингтоном.

Последний компонент в политике безопасности Пекина — содействие повышению устойчивости и конкурентоспособности китайской экономики в условиях открытости мировому рынку, что является наиболее адекватным ответом на различного рода нетрадиционные угрозы безопасности страны¹⁰.

Нетрудно заметить, что китайские специалисты, хотя и подчеркивают сотрудничество между странами как одну из главных тенденций развития в международных отношениях, на практике не выходят за пределы традиционного реализма. Единственные акторы в международных отношениях, имеющие реальное значение, это государства; структура международных отношений возникает из мозаики соперничества и сотрудничества между наиболее мощными державами, а роль основного регулирующего механизма играет баланс сил. Основные угрозы (провозглашение независимости Тайваня и американо-китайские противоречия) также носят вполне традиционный характер: это угроза территориальной целостности страны и противостояние между державами. Учитывая зависимость китайской элиты от положений классического реализма, вряд ли можно ожидать того, что Китай откажется от попыток реализовать рекомендации этого направления политической мысли, т. е., прежде всего, от наращивания собственной национальной мощи, игры на противоречиях между другими державами и создания собственной сферы влияния.

В. Цели внешней политики КНР на современном этапе

Во внешней политике Китай ставит перед собой две основные цели: создание благоприятных внешних условий для модернизации государства и утверждение КНР в качестве одного из полюсов многополярного мира¹¹.

Первая цель предполагает решение двух задач: предотвращение вовлечения КНР в вооруженные конфликты и развитие торгово-экономических контактов для привлечения в страну инвестиций, технологий и открытия новых рынков. С этой точки зрения, важнейшими объектами для китайской дипломатии являются, во-первых, страны и регионы, граничащие с КНР, поскольку именно с ними возможны локальные столкновения, а развитие экономических связей наиболее продуктивно. Во-вторых, это мировые державы, поскольку именно они, с одной стороны, могут стать инициаторами формирования антикитайской коалиции и изоляции КНР, с другой — являются естественным источником капитала, технологии и наиболее значительными торговыми партнерами. Однако Пекин имеет гораздо больше возможностей влиять на относительно малые государства на периферии КНР, чем на крупные державы, которые, соответственно, менее склонны учитывать интересы Китая. С другой стороны, многие китайские специалисты рассматривают политику сдерживания КНР как совершенно неизбежную для США в силу логики борьбы за гегемонию в мире, а одним из основных методов такой политики является установление и развитие союзнических или партнерских отно-

шений с государствами на периферии КНР¹², что сопровождается раздуванием идеи "китайской угрозы". В силу этих обстоятельств в ближайшем будущем можно ожидать, что Пекин для реализации своих стратегических целей все больше будет сосредоточиваться на периферийных странах и регионах, пытаясь сформировать региональное сообщество под своим руководством и сорвать предполагаемые планы Вашингтона по окружению Китая. Ведущий китайский специалист по международным проблемам Янь Сюетун прямо заявляет о том, что "основной точкой опоры для китайской внешней политики и дипломатии должны стать периферийные регионы (Восточная, Южная и Центральная Азия)"¹³. Помимо того что в силу объективных причин подобный подход является наиболее реалистичным для ограниченных возможностей КНР, данный автор приводит еще одну причину: только формируя региональные сообщества наподобие ЕС можно надеяться сформировать многополярный мир, в противном случае Китай в одиночку вряд ли сможет догнать США по уровню экономического развития.

Здесь мы подходим ко второй стратегической цели китайской внешней политики: формирование многополярного мира и утверждение Китая в качестве одного из признанных полюсов. Почему для Пекина так важна многополярность? Как свидетельствуют сами китайские авторы, за этим скрывается отнюдь не просто стремление к более справедливому и демократическому миропорядку. По мнению китайского специалиста в области китайской внешней политики Дин Шичуаня, в условиях многополярности Китай обретет больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избегать ограничений, налагаемых многополярностью¹⁴. Иными словами, в мире, сцементированном американской гегемонией, Китай имеет меньше пространства для маневра и постоянно находится под угрозой того, что в ответ на действия, которые, по мнению развитых стран, могут угрожать стабильности в мире, западные демократии могут попытаться проводить политику изоляции и сдерживания Китая. Следует отметить, что Пекин, собственно, никогда не отказывался от политики игры на противоречиях между соперниками. Это проявилось и в знаменитом высказывании Дэн Сяопина, призвавшего Китай "не высовываться", и в статьях китайских специалистов по международным отношениям. Например, Хэ Фан, категорически выступая против того, чтобы Китай противопоставлял себя Западу, одновременно утверждает, что основная угроза для западных демократий заключается в возникновении и усилении противоречий между ними¹⁵. В свете таких высказываний многополярность — это свобода рук для Пекина на мировой арене, которая в полной мере позволит реализовать весь внешнеполитический потенциал от успеха экономических реформ внутри страны.

Зачастую цели Пекина формулируются китайскими авторами как содействие формированию нового мирового порядка. Однако это лишь своеобразное обобщение указанных выше двух целей (обеспечение стабильного внутреннего развития и формирование многополярного мира), терминологический инструмент для описания мира, где бы в полной мере учитывались и гарантировались интересы Китая. По мнению российского китаеведа А. А. Свешникова, новый мировой порядок также предполагает "завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе"¹⁶. Та-

ким образом, здесь опять-таки можно проследить стремление Китая к региональной гегемонии, которая рассматривается как условие обеспечения безопасности внутреннего развития и формирования многополярной системы международных отношений.

Следует отметить, что, поскольку АТР в плане экономического развития опережает остальные регионы мира (например, в 1990-е гг. темпы роста здесь в среднем составляли 6—7% в год), убеждение многих специалистов в том, что АТР является новым центром мировой экономики и, соответственно, политических процессов, кажется достаточно убедительным. Если это предположение оправдается, то даже неформальное лидерство Пекина в АТР станет залогом возникновения КНР уже как мировой державы, а возможно, и сверхдержавы.

Таким образом, основным мотивом внешнеполитических задач Пекина на современном этапе можно считать стремление содействовать появлению новой системы международных связей, в которой Китай, вне зависимости от желаний и предпочтений других стран, занимал бы одну из ключевых позиций, не мог быть изолирован, не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками. Путь к достижению этой цели — формирование регионального сообщества, в котором Китай в силу географических причин и размеров внутреннего рынка являлся бы естественным центром притяжения.

Таким образом, как исторический опыт и оценка современного положения в мире, так и те цели, которые ставит перед собой Китай в области внешней политики, подталкивают Пекин к формированию такого регионального сообщества, где Китай являлся бы естественным центром системы и безусловным лидером. Подобный подход хорошо укладывается и в традиционные схемы китайской внешней политики, соответствует потребности противостоять попыткам США сдерживать Китай с помощью стран региона, а в перспективе позволяет решить и другие проблемы, поскольку лидерство в динамично растущей Восточной Азии и АТР, по меньшей мере, гарантируют Китаю право решающего голоса в мировых процессах.

Региональная политика Пекина после окончания "холодной войны"

Отношения КНР с соседними странами к началу 90-х гг. XX в. вступили в новый этап развития. С одной стороны, с окончанием "холодной войны" исчезли непосредственные угрозы безопасности КНР, ситуация в Азии характеризовалась китайскими аналитиками как устойчивое равновесие сил, которое на тот момент не стремилась подорвать ни одна из держав. Несмотря на существование целого ряда проблем в двусторонних отношениях Китая с соседними странами, ни одна из них не рассматривалась как способная пойти на военный конфликт с Китаем¹⁷. С другой стороны, именно в 1990-е гг. отношения с соседними странами, которым всегда уделялось повышенное внимание, заняли "особо важное место" во внешней политике Пекина. Как заявил в 1992 г. на XV съезде КПК Цзян Цзэминь, поддержание благоприятной обстановки на периферии Китая имеет особую значимость¹⁸.

Наиболее существенным препятствием в развитии этих отношений является то, что стремительное эконо-

мическое развитие и значительная закрытость политического режима Китая порождают ряд опасений у соседних стран и способствуют формированию идеи "китайской угрозы". Для того чтобы помешать закреплению подобных стереотипов и стимулировать образование регионального сообщества, Пекин выдвинул так называемую "новую концепцию безопасности" (НКБ), которая активно пропагандируется КНР начиная со второй половины 90-х гг. XX в. Данная концепция может рассматриваться как важнейшая теоретическая основа региональной политики КНР на современном этапе, не только несущая идеологическую нагрузку (что в условиях распространения идей относительно роста "китайской угрозы" тоже немаловажно), но и отражающая основные методы региональной политики Пекина.

Собственно НКБ складывается из четырех принципов сотрудничества между странами в области безопасности и различных механизмов практической реализации этих принципов. Как заявил Цзян Цзэминь в своем выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., "новая концепция безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами"¹⁹. Взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие суверенитета — это единственное, что делает различные по своим возможностям государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение принципа государственного суверенитета. В свою очередь, необходимость координации действий между странами отражает как идею многополярности мира, так и неприятие односторонних действий.

Следует отметить две наиболее существенные особенности НКБ, которые подчеркиваются китайскими авторами. Во-первых, во главу угла ставится принцип общей выгоды, которая превалирует над частными интересами и является основным источником общей безопасности²⁰. Поскольку значимость общей пользы отнюдь не всегда осознается государствами, необходимо вести активную дипломатическую работу в этом направлении. Основа для формирования общих интересов — это экономическое сотрудничество. С этой точки зрения, ни военные альянсы, ни одинаковая политическая система не являются залогом мира и безопасности²¹.

Помимо прочего, здесь заслуживает особого внимания упор на возможность поддержания мира при наличии в разных государствах различных политических систем. Как известно, весьма распространенной в западном мире является теория так называемого "демократического мира", получившая научное обоснование в теории международных отношений. Согласно этой теории, вероятность войны между демократическими режимами гораздо меньше, чем между демократическими и недемократическими. Пекин, ориентируясь на то, что многие авторитарные азиатские режимы не приемлют навязываемые западными странами модели демократизации, предлагает свою альтернативную концепцию, где на первый план ставится активное экономическое взаимодействие.

Второй существенной особенностью НКБ является провозглашаемый приоритет намерений государства над его возможностями. Важно не то, насколько мощным является то или иное государство (подразумевает-

ся, что это проблема внутреннего развития), а то, как оно использует свои возможности на мировой арене²². В качестве наглядного примера приводится стремление США к мировой гегемонии, тогда как Китай (как заявляется) никогда не ставил и не будет ставить перед собой подобную цель.

Важность этих двух особенностей заключается в том, что, провозглашая идею общей пользы и необходимости уделять основное внимание намерениям, а не возможностям, Китай, собственно, однозначно становится на сторону неоллиберализма в его давнем споре с неореализмом относительно абсолютных и относительных выгод международного сотрудничества²³. Неореалисты полагают, что если государство А, сотрудничая с государством В, выигрывает меньше, чем государство В, т. е. проигрывает в относительном плане, такое сотрудничество не соответствует государственным интересам государства А и подрывает его безопасность. В противоположность им, неоллибералы считают, что в современном мире, где на первый план выходят экономические проблемы, государства склонны сотрудничать вне зависимости от того, насколько противная сторона выигрывает от такого сотрудничества, т. е. речь идет о сотрудничестве ради абсолютных выгод. Основополагающие постулаты НКБ как раз и базируются на допущении того, что страны региона стремятся или должны для укрепления собственной безопасности стремиться именно к абсолютным выгодам, не обращая внимания на то, сколько выигрывают их соседи. Для Китая, при условии сохранения современных темпов роста, подобная позиция безусловно является беспроигрышной, поскольку позволяет достичь как абсолютных, так, в перспективе, и относительных выгод от международного экономического сотрудничества, одновременно обеспечив себе мирную международную обстановку для внутреннего развития.

Отметим также, что в отличие от оценки международных отношений на глобальном уровне, где, как мы видели, скорее господствуют подходы традиционного реализма, в своей региональной политике Пекин делает упор на либеральные концепции, подчеркивая, что от экономического сотрудничества с Китаем соседние страны только выиграют. Определенное противоречие очевидно, однако вряд ли здесь стоит говорить о сознательном лицемерии и двуличности Пекина или о том, что такой "региональный либерализм" носит временный характер и будет целиком и полностью свернут, как только Китай почувствует себя в силах прямо навязывать свою волю более слабым соседям. Скорее это походит на попытку создать модернизированный вариант традиционной, сравнительно мягкой китайской гегемонии в регионе, которую цинский Китай практиковал до прихода европейцев и которая, опираясь на широкий спектр экономических, культурных и военных методов, не была направлена на захват или жесткий контроль соседних стран.

Что касается иерархии приоритетов в региональной политике Пекина, отметим что, поскольку Южная и Центральная Азия не примыкают непосредственно к собственно ханьскому ядру Китая и его основным зонам экономического развития, которые сконцентрированы на востоке страны, эти регионы, находящиеся на отдаленной периферии АТР, являются вторичными в иерархии региональных приоритетов Пекина. В отличие от них Восточная Азия, как в силу своего быстрого развития, так и из-за присутствия здесь ряда нерешенных, но прин-

ципально важных для руководства КНР проблем (например, тайваньский вопрос), еще долгое время будет ставиться китайскими лидерами во главу угла.

Вместе с тем дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала "Современные проблемы АТР", свидетельствует о том, что в вопросе региональных приоритетов китайской политики все не так однозначно. В статье "Проблема АСЕАН во внешнеполитической стратегии Китая" Чжуан Ливэй утверждает, что в последнее время значение западного направления в стратегии Китая быстро возрастает. В этой связи китайский ученый призывает, не обостряя ситуацию на востоке, сконцентрироваться на западном направлении²⁴. Ему возражает Чжао Чанцин, подчеркивая, что основные угрозы для КНР, связанные с территориальной целостностью страны, по-прежнему располагаются на востоке, в АТР²⁵. Несмотря на то что, видимо, можно согласиться с последним утверждением, сама постановка проблемы и призыв Чжуан Ливэя сконцентрировать усилия на западе страны заслуживают самого пристального внимания, поскольку, во-первых, по всей видимости, данный спор отражает определенные разногласия в среде китайской элиты относительно стратегических приоритетов. Можно предположить, что за западное направление выступают некоторые представители сухопутных сил НОАК, связанные с армией отрасли промышленности, политики, а также, и экономисты, опасющиеся, что слишком активная политика в Восточной Азии приведет к ухудшению отношений Китая с США и Японией и негативно скажется на притоке иностранных инвестиций и технологий. С другой стороны, за дальнейшую концентрацию усилий в Восточной Азии может раговать достаточно бурно растущий китайский военно-морской флот, связанные с ним отрасли промышленности, влиятельные фигуры в ЦК КПК, рассматривающие активную политику в этом регионе как залог успешного решения тайваньского вопроса, от чего напрямую зависит авторитет КПК внутри страны.

Во-вторых, эта дискуссия значима как свидетельство определенного возврата к некоторым традиционным проблемам китайской внешней политики, а именно к спору о сравнительной важности для Китая западного (суша) и восточного (море) направлений во внешней политике, а также о взаимосвязи между ними. Как указывает Джон Файрбэнк, во время первой "опиумной" войны 1840—1842 гг. цинское правительство попыталось решить проблемы, связанные с англичанами, опираясь на опыт умиротворения Кокандского княжества в 20-е гг. XIX в.²⁶ В 70-е гг. XIX в. при дворе возникла дискуссия относительно того, что является наиболее приоритетным: развитие флота и противодействие японским притязаниям в Восточной Азии или подавление крупного мятежа в Ганьсу и Синьцзяне (западные районы Китая). По требованию императора по этой проблеме высказались крупнейшие деятели того времени. В конечном итоге решено было сосредоточиться на проблемах западного направления²⁷. Возврат к этой же проблематике в статьях современных авторов можно расценивать как еще один довод в пользу постепенного возрождения некоторых традиционных китайских идей в области внешней политики и того большого внимания, которое современный Китай уделяет региональной стратегии.

Таким образом, исторический опыт Китая, анализ современного положения в мире китайскими авторами

и их базовая интеллектуальная парадигма на глобальном уровне (реализм), а также цели, которые ставят перед собой руководители КНР во внешней политике, так или иначе ведут к тому, что основным объектом приложения усилий для Китая становятся страны и регионы, граничащие с Китаем. В обозримом будущем Пекин будет стремиться прежде всего к тому, чтобы добиться здесь преобладающего влияния и не допустить использования соседних стран для сдерживания и изоляции Китая. Основные методы, которыми Пекин пользуется в своей региональной политике, это провозглашаемые им принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран

(что представляет определенный контраст с западными подходами) и активное вовлечение этих стран в экономический обмен с КНР. Несмотря на то что иерархия региональных приоритетов Пекина сравнительно стабильна и основные интересы сосредоточены в Восточной Азии, откуда исходят в настоящее время основные угрозы безопасности страны, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что, в принципе, в определенных условиях возможен если не пересмотр, то некоторая корректировка политики Пекина и возникновение более сбалансированного подхода к проблемам на региональном уровне.

¹ Roy D. China's Foreign Relations. London: Macmillan Press, 1998. P. 37—41, 43.

² Кам Сам Гу. Китай и Центральноазиатский регион (взгляд из Сеула) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 39.

³ Hunt M. H. The Genesis of Chinese Communist Foreign Policy. New York: Columbia University Press, 1996. P. 10, 26.

⁴ Ibid. P. 28.

⁵ Pye L. China: erratic state, frustrated society // Foreign Affairs. 1990. V. 69. N 4. P. 56—74.

⁶ Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 169.

⁷ 2004 январь шицзе даши цянъчжань // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2004. № 1. С. 1—11.

⁸ Линь Лиминь. Данцянь шицзе диюань чжаньлюе тайши цзи цияньцзин // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2004. № 1. С. 32—35.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Янь Сюэту. Дуй Чжунго аньцюань хуаньцзин дэ фэньси юй сыкао // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2000. № 2. С. 9—10.

¹¹ Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин "шицзе гэцзюй гуань" дэ цзичэн хэ фачжань // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 11.

¹² Сунь Цзяньшэ. Данцянь чжунго чжоубянь аньцюань хуаньцзин юй чжунмэй гуаньси // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2003. № 3. С. 65—66.

¹³ Янь Сюэту. Чжунго вайцзю сю лицзу чжоубянь // Ляован. 2000. № 11. С. 49.

¹⁴ Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин "шицзе гэцзюй гуань" дэ цзичэн хэ фачжань // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 12.

¹⁵ Цит. по: Свешников А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 136.

¹⁶ Свешников А. А. Указ. соч. С. 129.

¹⁷ Whiting. A.S. The PLA and China's Threat Perceptions // China Quarterly. 1996. № 146. P. 598.

¹⁸ Ши Юаньхуа. Лунь синь Чжунго чжоубянь вайцзю чжэнцэ дэ лиши яньбянь // Дандай чжунго лиши яньцзю. 2000. № 5. С. 47.

¹⁹ Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуйчжуй шиэ синь цзюмянь // Сообщение Агентства Синьхуа от 17.11.2002.

²⁰ Ли Сяоми. Чжунгодэ синь анцюань гуань // Хэпин юй фачжань. 2002. № 2. С. 45.

²¹ Янь Сюэту. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян // Сяньдай гоцзи гуаньси. 1997. № 11. С. 28—32.

²² Там же. С. 28.

²³ Grieco J. M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993. P. 117—118.

²⁴ Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти // Дандай ятай. 2003. № 6. С. 21—24.

²⁵ Чжао Чандин. Дунмэн, шанхай хэцзо цзучжи юй чжунго // Дандай ятай. 2003. № 11. С. 11—12.

²⁶ Fairbank J. K., Goldman M. China. A New History — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2001. P. 197—198.

²⁷ Hsu I. C. Y. The Great Policy Debate in China, 1874: Maritime Defense vs. Frontier Defense // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1965. № 25. P. 212—228.

SUMMARY

"Regional Policy in China's Foreign Policy Strategy in the Post-Cold War Period" (Vitaly Borovoy)

Since the end of the Cold War geopolitical situation around China has changed considerably, creating new opportunities as well as challenges for Beijing's foreign policy. The collapse of the USSR meant that the threat to China's northern border disappeared altogether, making the country's external environment more stable and predictable than ever before. Nonetheless, the growing power of China is perceived by its neighbors as a potential disaster, which provides the US with an opportunity to shape its policy of containment directed against China. This article argues that development of closer ties with China's neighbors, preventing them from becoming a threat and a part of containment circle, as well as the desire to gain preeminent influence in the peripheral zone will be at the heart of PRC's strategy on the world arena for the next few decades. Such developments dovetail nicely with some traditional patterns of Chinese relations with the outside world; they are supported by some outstanding researchers in Chinese intellectual community and could become a jumping board for gaining superpower status by China.